

На правах рукописи

Малькова Алина Викторовна

**ПОВТОРЯЕМОСТЬ КАК НАРРАТИВНЫЙ ПРИНЦИП
В ПРОЗЕ В. МАКАНИНА**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Томск – 2020

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Рыбальченко Татьяна Леонидовна

Официальные оппоненты:

Говорухина Юлия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный учебно-научный центр Военно-Морского флота «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова», кафедра русского языка филиала ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» в г. Калининграде, профессор

Маркова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», кафедра литературы и методики обучения литературе, заведующий кафедрой

Хрящева Нина Петровна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный педагогический университет», кафедра литературы и методики ее преподавания, профессор

Защита состоится 16 декабря 2020 г. в 16 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета «НИ ТГУ.10.01», созданного на базе филологического факультета федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 26).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
<https://dissertations.tsu.ru/PublicApplications/Details/7e7b1486-bb16-4188-a080-b859794fc286>

Автореферат разослан « ____ » ноября 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Филь Юлия Вадимовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проза В. Маканина, более полувека остававшаяся в поле внимания критиков и литературоведов, по причине заметной эволюции художественного мира получала разные интерпретации. Сохраняя индивидуальную доминанту, эстетика и поэтика писателя менялись не только потому, что изменялась социокультурная ситуация, но по внутренней логике творческого развития, выражающее стремление автора разгадывать бытийную, природно-социальную основу существования человека. Представленное диссертационное исследование имеет литературоведческий аспект, однако определение формальных принципов (сюжетостроения и способов повествования) предполагает выявление основных черт миропонимания автора, движение от социального анализа к миромоделированию. Принцип повторяемости характеризует не только поэтику, но и недогматизм, коррекцию найденных смыслов.

Актуальность исследования связана с современными спорами о месте и судьбе реалистической литературы в ситуации постмодерна. Проза В. Маканина связана с ведущими тенденциями развития русской литературы второй половины XX – начала XXI веков и поэтому открывает возможности реализма в познании современного быстро изменяющегося мира. Актуальность связана и с необходимостью определить возможности принципа повторяемости в современной словесности: как диалога с архаической и классической культурами, так и повторяемости как художественного способа закрепления и уточнения феноменов релятивной действительности, как усложнение миметизма проверкой понимания явлений реальности.

Научная новизна исследования:

а) обоснование нарративной повторяемости как доминирующего принципа повествования в произведениях, обусловленное как вниманием к итеративности образа жизни человека, так и преодолением монологичности толкования событий реальности, поиском инварианта в вариативном потоке жизни;

б) объяснение содержательной основы принципа повторяемости становлением антропологизма художественного сознания Маканина, который выявляет зависимость человека не только от социальных условий, но и от телесно-материальной основы жизни.

Цель исследования: в ходе анализа нарративных принципов показать: а) герменевтические основы художественности Маканина, его направленность на понимание разных версий бытия; б) обосновать положение, что внимание к повторяющимся ситуациям выражает авторскую аксиологию ситуаций существования человека (от закрепления бытийных законов до энтропийности).

Задачи исследования.

1. Выделить повторяющиеся сюжетные ситуации в изображаемой реальности (болезнь и смерть, бегство и возвращение, встреча и расставание, убийство, копание и др.) как метафоры познания бытия, обнаружить их семантику.

2. Установить функции нарративных повторов, дающих разные версии одной

ситуации (как разных персонажей и нарраторов, так и одного нарратора): от характерологических до притчевых и миромоделирующих.

3. Обозначить интертекстуальные, аллюзивные повторы в сюжетах как способы универсализации конкретных сюжетных ситуаций; формы диалога персонажей, нарраторов и самого автора с текстами литературы.

4. Показать значение сюжетно-композиционного двоения (двойничества, зеркального отражения, «сообщающихся сосудов») для выражения онтологического закона «дополнительности», связанности антиномий, а также вытеснения и замещения феноменов реальности.

5. Дать объяснение в сюжетах прозы Маканина связи антропологической и социокультурной детерминированности человека: роль инстинктов и значение социальных эпистем и культурных образцов в существовании человека.

Объект исследования – проза В. Маканина 1970-х–2000-х годов, проза зрелого писателя, показывающая его эволюцию от социально-бытового к социально-философскому исследованию действительности.

Предмет исследования – сюжетный уровень произведений Маканина: нарративная организация и композиция сюжетных ситуаций, в которых проявляется повторяемость как событий реальности, так и событий повествования.

Материал исследования – повести и роман В. Маканина 1970-х–2000-х годов: «Повесть о Старом Поселке» (1974), «Голоса» (1977), «Голубое и красное» (1982), «Предтеча» (1982), «Отставший» (1987), «Утрата» (1987), «Лаз» (1991), «Долог наш путь» (1991), «Буква “А”» (2000); роман «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998). Рассказы привлекаются для уточнения генезиса мотивов, закрепившихся в больших повествовательных формах.

Степень разработанности материала. Проза В. Маканина находится в центре критических дискуссий с конца 1970-х годов и вписывается (В. Бондаренко, И. Дедковым и многими другими) в контекст прозы «сорокалетних». Когда обнаружилось различие эстетики и поэтики «сорокалетних», литературоведы стали интерпретировать художественный мир Маканина в русле «посттрифононской» прозы и «поствампиловской» драмы. Движение от быта к антропологии, от описательности к миромоделированию, а также эксперименты с формой, внесение в тексты аллюзий, диалог с классической литературой позволили назвать Маканина одним из представителей «постреализма» (Н. Лейдерман и М. Липовецкий, М. Амусин), «трансметареализма» (Н. Иванова), постмодернизма (И. Сушила).

О прозе В. Маканина (персонально или в ряду с другими современными прозаиками) написаны диссертации и монографические исследования: М. Амусина, Т. Марковой, Т. Климовой, Т. Чурляевой, К. Шилиной, Е. Кравченко, Е. Бегалиевой, М. Вершининой, Е. Дмитриченко, В. Иванцовым, С. Мотыгиным, А. Ефременковым. Литературоведы (в их числе Н. Лейдерман и М. Липовецкий, М. Амусин) прочитывают прозу Маканина в реалистической традиции, но акцентируют философизацию проблематики, миромоделирующий принцип поэтики. Близки к теме

исследования статьи Т. Климовой, М. Вершининой, Т. Марковой, которые рассматривают прозу В. Маканина как сверхтекстовое единство и обращают внимание на повторение персонажей, сюжетов, частей ранних текстов в более поздних текстовых единствах.

Методологическая основа исследования. Культурологические работы: мифологический аспект бинарности, цикличности, представлен в работах А. Ф. Лосева, М. Элиаде, Дж. Фрезера, Дж. Кэмпбелла; двойничества, парности, близничества – в исследованиях М. М. Бахтина, О. М. Фрейденоберг, Е. М. Мелетинского, А. М. Панченко, С. З. Агранович, И. В. Саморуковой; деконструктивистские работы о тождественности и итерации Ж. Деррида, Ж. Делёза, Ф. Гваттари, Р. Барта, У. Эко, М. Фуко, Ж. Бодрийяра и др.; идеи философской герменевтики (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, Х.-Г. Гадамер, П. Рикер); исследования по сюжетологии: М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, Ж. Женетт, В. Шмида, А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, В. И. Тюпы, Н. Д. Тмарченко, И. В. Силантьева и др.

Исследование опирается на структурный (Ю. М. Лотман, Р. Барт) и историко-генетический метод (А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, Д. С. Лихачев), метод интерпретации текста (М. М. Бахтин, В. В. Кожин, М. Л. Гаспаров, Б. А. Успенский), психологический метод (Л. С. Выготский, З. Фрейд, К. Юнг).

Теоретическая значимость работы. Исследование расширяет имеющиеся представления о мотивном, нарративном анализе и анализе композиции сюжета.

Практическая значимость работы. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при построении курсов русской литературы второй половины XX – начала XXI веков, в семинарах по изучению повествовательной специфики современной прозы.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. В прозе В. Маканина поэтика повторяемости имеет не игровую, а гносеологическую основу – в релятивном потоке жизни обнаружить устойчивые положения и ситуации, проявляющие законы бытия и социальные законы. Повторяемость – это не тождество явлений, а итерация, возобновление закона системы в разных воплощениях.

2. Повторяемость выявляется в работе не на языковом, а на образном уровне художественных произведений, в сюжетостроении (изображение подобных ситуаций жизни) и в организации повествования (разные события, изображенные одним или разными субъектами повествования).

3. Повторяемость сюжетных ситуаций как в одном произведении, так и в ряде произведений позволяет рассматривать повторяемость как принцип маканинской поэтики, что позволяет выделить мотивы, соотносимые с архаическими: мотивы болезни и исцеления, поиска женщины, бегства и возвращения, копания как метафоры познания и возделывания бытия и ряда других.

4. Вариативность авторских версий выражается композиционно в

сопоставлении сюжетов персонажей-двойников по принципу дополнительности антиномий, в обращении Маканина к метатекстовой структуре (текст о тексте, сюжет писательства).

5. Повторяемость в прозе Маканина проявляется в аллюзивности сюжетов, в деконструкции классических сюжетов.

Степень достоверности результатов проведенного исследования определяется проведённым анализом произведений В. Маканина с опорой на фундаментальные исследования как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Апробация работы. Основные положения работы были изложены на научных конференциях: I (XV) Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (г. Томск, 2014 г.); II (XVI); Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (г. Томск, 2014 г.); «Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия» (г. Новосибирск, 2014 г. заочное участие); III (XVII); Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (г. Томск, 2015 г.); IV (XVIII) Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (г. Томск, 2016 г.); XII Всероссийская научная конференция «Дергачёвские чтения 2016 русская словесность: диалог культурно-национальных традиций» (г. Екатеринбург, 2016 г.); V (XIX) Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (г. Томск, 2017 г.); научная конференция «Сюжетология / сюжетология – 4» (г. Новосибирск, 2017 г.); научная конференция «Создание, перевод, издание и интерпретация как предмет науки о литературе» (г. Томск, 2017 г.); VI (XX) Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (г. Томск, 2018 г.); VII (XXI) Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (г. Томск, 2019 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы, включающий 345 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, выделяются цель и задачи исследования, выдвигаются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Теоретическое и историко-литературное предварение**» в

параграфе 1.1 «Теоретические аспекты изучения повторяемости как элемента поэтики художественной литературы» обосновывается обращение к проблеме повторяемости в творчестве В. Маканина и понимание повторяемости, во-первых, как принципа воспроизведения повторяющихся явлений жизни; во-вторых, как приёма возвращения к изображению одних и тех же или близких феноменов реальности, как прием организации образной системы повествования. Выявляются разные подходы к интерпретации поэтики Маканина в литературоведении и критике, в частности, разные аспекты повторяемости в художественном опыте писателя. Определяется исследовательский аспект диссертационной работы: выявить в сюжетной организации произведений нарративную повторяемость как одну из основополагающих особенностей поэтики Маканина.

В подпараграфе 1.1.1 «Функция повтора в искусстве», опираясь на работы М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, О. М. Фрейденберг, Е. М. Мелетинского, рассматривается генезис, семантика и изменение принципа повторяемости в художественной культуре. В архаической культуре повторяемость сюжетов и повествовательных приёмов подтверждала цикличность природного бытия и тождественность событий человеческой жизни сакральному образцу. В Средние века повторяемость свидетельствовала о божественной основе явлений и следовании художественному канону в изображении человеческой жизни, что было показателем истинности ценностной и эстетической позиции автора. В литературе Нового времени эстетическим центром художественного мира становится не событие, а персонаж; повтор воспроизводит не только онтологический закон, а картину мира в сознании персонажей и нарраторов. В литературе романтизма раздвоенность мира связана с двойничеством персонажей, которым доступна или недоступна инореальность. В реалистическом искусстве предметом изображения становится феноменальность жизни, открытие как общего, так и индивидуального в явлениях реальности; повтор констатирует типическое в изменяемых положениях реальности. Модернизму свойственно внимание к многомерности бытия и субъективности его восприятия, повтор выявляет границы субъективного мировосприятия и потому не космизует хаос феноменов в сознании персонажа. В постмодернистском искусстве повтор воспроизводит власть текстов над сознанием индивида в ситуации, с одной стороны, недоступности реальности, с другой стороны, власти тиражированных социальных и культурных эпистем, определяющих и картину мира, и поведение индивидов.

Современная концепция повторяемости активно разрабатывается философами-деконструктивистами (Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ф. Гваттари), использующими понятие *итеративность*.

Итеративность (санскр. *itera* – *другой*) понимается как «изначальное повторение» (Ж. Деррида), любой объект является результатом повторения и исключает уникальность, но итеративность предполагает изменения, альтерацию (лат. *alterare* – изменять), мутацию, вариативность. Итерация в таком понимании – это

закон системы, возобновляющийся при воплощении в новом явлении, не тождество, а основание для повторения. Используемый в работе термин «повторяемость» разводится с понятием «повтор», что в определённой степени близко деконструктивистскому толкованию итерации и альтерации. Если *повторяемость* можно рассматривать как *основание для повторения*, то повтор предполагает простое дублирование, имитацию, а не воспроизведение сущности.

Применительно к художественному творчеству повторяемость – это не просто изображение *похожего*, а открытие закона явления или, напротив, открытие явления как симулякра, лишённого сущности знака. Поэтому художественная практика современного искусства в поисках значений явлений реальности направлена на разрушение канонов, на демонстрацию многозначности, вариативности, открытости текста. Столкновение антиномичных ситуаций открывает общий закон несвязанных явлений; ассоциативное сближение изображаемых явлений с изображением в других текстах, сюжетах (аллюзивность и интертекстуальность с целью обнаружить повторяемость текстовых версий бытия).

В подпараграфе 1.1.2 **«Типология повторов в структуре повествования»** рассматривается типология повторов в работах литературоведов (Ю. М. Лотмана, Ж. Женетта, В. Шмида, А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа и др.) и определяется нарратологический подход, принятый в диссертации, к исследованию поэтики повторов. Поэтика повторов рассматривается на разных уровнях организации художественного текста: языковой (повтор лексико-синтаксических единиц и др.); образный повтор (в системе персонажей, предметно-вещественного мира, природных и социальных локусов и пр.); сюжетный повтор (контрапункт ситуаций разных фокусированных персонажей, сюжетный параллелизм и пр.); нарративный повтор (событие повествования) в повествовании одного нарратора и повтор версий разных нарраторов. Нарративный повтор – это воспроизведение, с одной стороны, повторяемости событий реальности в художественном произведении, с другой стороны, это повторяемость повествования об одной ситуации (или сходных) как поиск понимания не только коллизий сюжета, но и состояния изображенного нарратором и автором.

В подпараграфе 1.1.3 **«Межтекстовые связи как источник нарративных повторов»** рассматривается проблема повторения «чужого слова», диалога с классическими текстами и формы их изменений (переписывание, трансформация, деконструкция). Повторение (жанровой структуры, композиции, известных в литературе мотивов и др.) предполагает следование традиции, однако в современном искусстве образцы трансформируются, создавая и отталкивание от канона, и развитие классической версии сюжета или персонажа, и пародирование. Опираясь на работы о роли традиции (Ю. М. Лотмана, А. Ф. Лосева, А. М. Ранчина, В. Б. Шкловского и др.) и о значении намеренного диалога автора с предшественниками (М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, Ж. Женетта, Х. Блума и др.), в диссертации соединяется собственно сюжетный и нарративный анализ. Во-первых, повторяемость повествуемых событий

требует опоры на принципы компаративистики и генетического анализа сюжетных мотивов, воспроизводящих как повтор стереотипных ситуаций современной художнику реальности, так и повторяемость основополагающих ситуаций жизни. Во-вторых, выявление семантики повторов в событии повествования, возвращение к разным версиям ситуации и наложение этой ситуации на известные сюжеты требует видеть в сюжетах не только герменевтическую цель познания бытия, но и интенцию автора на культурный диалог: проверку как классических версий, так и собственной версии бытия через призму классического сюжета. В исследовании прозы Маканина необходимы интертекстуальный и метатекстуальный анализ текстов и нарративных практик.

В параграфе 1.2 **«Творчество В. Маканина в контексте русской прозы рубежа XX–XXI веков и в интерпретации критиков и литературоведов»** творчество Маканина в контексте прозы указанного периода рассматривается как «социальное человековедение» (И. Роднянская), как «физиология перевального бытия» (Л. Аннинский), бытописание, изображение повседневной повторяемости жизни.

В параграфе выделяется важный аспект эстетики Маканина – обращение к «усредненному» человеку, погруженному в «самотечность жизни», наполненной совпадениями, повторениями, пересечениями. Погружённость в поток жизни, с одной стороны, редуцирует индивидуальность, с другой стороны, не позволяет индивиду быть жертвой «текстов», поскольку подчинение привычному Маканин рассматривает не только как самоумаление человека («конфузная ситуация»), но и как антропологический закон. Писательство для Маканина (и его персонажей-нарраторов) представляется шахматной игрой, направленной на разгадывание, в которой повествование с просчитыванием ходов и перебиранием вариантов, прерывается случайностями, а сюжет перестаёт быть телеологичным. Маканин констатирует неизбежность возвращения автора к завершённым событиям (в рамках одного произведения), что даёт основание объяснять нарративные повторы герменевтическим поиском.

Во второй главе **«Повторяемость сюжетных ситуаций как отражение действительности»** анализируется сюжетостроение малой прозы Маканина, ситуации, вызванные как стандартизованным образом жизни современного человека («серединого», по определению Маканина), так и человека как такового («мотивы», имеющие архаическую семантику). В диссертации анализируются мотивы, раскрывающие антропологические и экзистенциальные положения индивида: детерминированность природными циклами, телесно-биологической жизнью (болезнь и исцеление, смерть), потребностью в освоении мира и познания (бегство и возвращение, копание и переход через границу).

Во второй главе выявляется важный принцип сюжетостроения прозы Маканина – соположения реальной и метафорической семантики сюжетных ситуаций, составляющих «мотив». Болезнь, копание, бегство и возвращение и др. отражают

социально-бытовые положения персонажей и одновременно выражают психологические коллизии: протест против законов онтологии, потребность понять окружающую реальность и мироустройство, попытаться изменить внешние обстоятельства. Неразрешимость коллизий объясняет смешение реальных и ментальных ситуаций, составляющих мотив (погружения в глубину, прорыв границы, бегство и пр.).

Анализ ситуаций копания, возвращения и болезни делается на материале рассказов и повестей: «Повесть о Старом Посёлке» (1974), «Река с быстрым течением» (1979), «Голоса» (1980), «Гражданин убегающий» (1982), «Предтеча» (1982), «Где сходилось небо с холмами» (1984), «Утрата» (1987), «Отставший» (1987), «Лаз» (1991), «Долог наш путь» (1991).

В параграфе 2.1 **«Мотив копания в сюжетах прозы В. Маканина»** анализируются повести «Повесть о Старом поселке» (1974), «Утрата» (1987), «Долог наш путь» (1991), «Лаз» (1991). Выделяются четыре основные семантики мотива копания в прозе Маканина: 1) основа для созидания; 2) поиск спасительного средства; 3) копание как ментальное погружение (воспоминание); 4) метафора познания.

В подпараграфе 2.1.1 **«Деконструкция мифа о копании как начале созидания»** анализируются «Повесть о Старом Посёлке» (1974), рассказ «Гражданин убегающий» (1982), в которых ситуация копания интерпретируется как иллюзия первоначала в строительстве нового мира (осмысливается типологическая коллизия литературы социалистического реализма, «производственной» прозы). В «Повести о Старом Поселке» констатируется смена исторического цикла: героическое время преобразователей (1940-е гг.) сменяется временем прозаического существования (1970-е гг.). Однако миф о демиургах в сознании главного героя разрушается. Взрослое сознание персонажа по-новому понимает положение «отцов»: они не были «богами», а были, как и современные люди, подчинены требованиям социальной конъюнктуры. В повести мотив копания как погружение в прошлое, познание истины, опирается на полемику с дантовской моделью погружения в Ад для обретения Рая. Современность опровергает линейность истории, копание не становится основой нового, поскольку повторяется детерминированность человека социальными условиями.

В рассказе «Гражданин убегающий» мифологема копания как начала созидания исчезает с пониманием персонажа-геолога, что копание – это повторение разъятия, обнажения и кражи, а «убегание» в поисках новых кладов – это бегство от вины перед землёй.

В подпараграфе 2.1.2 **«Копание как метафора познания законов онтологии в повести «Долог наш путь»** рассматривается один из двух зеркальных сюжетов повести – история командированного. Мотив копания редуцирован и имеет гносеологическую семантику – познания героем онтологического закона. Обнаруживается связь в повторяющейся ситуации спуска к *«нулевому циклу»* с

традиционным мотивом инициации. Горизонтальный путь посещения иного мира переходит в вертикаль «докапывания» до демистификации первоматерии. Герой открывает ложность мифа о возможности построить мир без потребления (разрушения) прежних форм материи, познаёт внеэтический, онтологический закон жизни как череду метаморфоз: создания новых форм из разрушения прежних.

Обретение экзистенциального сознания рождает в персонаже вину перед бытием. Разрешение трагической коллизии существования человек находит в создании временных иллюзий об идеальном мироустройстве, в искусстве, способном убедительно показать утешительную версию преодоления законов бытия (видеоплёнка, прокрученная в обратном направлении, подтверждает возможность воскрешения, восстановления целого из частей).

В подпараграфе 2.1.3 **«Копание как переход в идеальный мир в повести «Утрата»** исследуется мотив копания как форма бегства из неидеальной реальности. Рассматриваются две истории из трёх частей повести: история копателя – Пекалова и история лирического героя, нарратора, пытающегося спасти от гибели ребенка. Два варианта притчи о спасении в бытии: притча о спасителе, готовом показать народу путь через границу мира (прорыть тоннель под рекой, в другую жизнь) и притча об одержимости спасти человека. В истории Пекалова показана реализация идеи мессианства как бегства в лучшую реальность (христианский и коммунистический мифы), как бессмысленность следования мифу о прорыве в идеальный мир (жертвы в процессе копания туннеля; рай обернулся болотом и пр.). В истории лирического героя копание остаётся в границах сознания и редуцировано (как в повести «Долог наш путь») погружением вглубь. Галлюцинации лирического героя повторяют, варьируя, разные способы перемещений, однако достижение цели не приводит к спасению другого. Зеркальность композиции двух сюжетных линий направлена не столько на обнаружение различий, сколько на выявление схождения смысла – разрушение иллюзорного сознания, открытие нереализуемости идеалов, которые не соответствуют онтологическим законам. В истории лирического героя получена гносеологическая «травма». В истории Пекалова неутопическое сознание имеет нарратор, в массовом же сознании остаётся ценность веры в достижение идеального мира.

В подпараграфе 2.1.4 **«Копание как спасение (погребение) в повести «Лаз»** мотив копания интерпретируется не только как способ соединения социально-бытового и культурного пространств, но и как прорыв к спасению. Копание в повести предстаёт и как процесс (выкапывание убежища персонажами для спасения от социального хаоса), и как метафора погружения в духовное и цивилизационное наследие. В отрыве от материальной стихии жизнь подземного города хрупка и конечна: недостаток воздуха, искусственный свет не жизнотворен. Отмечается зеркальное сопоставление земной и подземной жизни: в потоке материальной жизни рождаются духовные ценности, а окультуренная жизнь в подземном городе нуждается в подпитке земными проблемами и тревогами, культура превращается в

имитацию духовной жизни и в интеллектуальные игры. Фабульно в повести сталкиваются две формы преодоления страха перед реальностью: забота об уродливой, гибельной, но жизнеспособной действительности (о слабоумном сыне, жене, приятельнице и пр.) или эскапизм. Пространство культуры помещено в глубь земли, потому что она подобна почве, материальной природной среде. Центральный персонаж совершает выбор существования в заботе о «тут-бытии», потому что «несовершенному» человеку нет прохода в идеальный мир (через лаз).

В параграфе 2.2 **«Ситуация возвращения в прозе В. Маканина»** дана интерпретация семантики мотива возвращения в прозе Маканина. Во-первых, в паре мотивов бегства и возвращения Маканин делает акцент на возвращении, поскольку бегство девальвировано влиянием иллюзий. Возвращение более важно в сюжете как авторский анализ результатов бегства: стало ли бегство инициацией, обретением нового понимания жизни. В прозе Маканина значение мотива возвращения ближе к архаической семантике инициации, открытие понимания глобального несовершенства мира (и своего, и чужого), поэтому возвращение не сопровождается ни укреплением своего мира, ни обретением своего места в доме, в бытии.

В подпараграфе 2.2.1 **«Возвращение как демифологизация прошлого в «Повести о Старом Поселке»** мотив возвращения подтверждает как необратимость развития жизни, так и неизбежность энтропии, невозможность сохранения прошлого. Однако разрушение мифа оправдывает конформизм героя.

В подпараграфе 2.2.2 **«Возвращение как попытка внесения духа в оставленный мир в повести «Где сходилось небо с холмами»** тоекратное возвращение героя в родной посёлок раскрывает необратимость «самотечности жизни», но формирует экзистенциальную вину персонажа за энтропию жизни. В фабуле моделируется цикл рождения, развития и умирания культуры: от ритуальной коллективной песни к индивидуальному творчеству и к наступлению массовой культуры потребления духовного наследия. Возвращение и попытка внести свой духовный опыт в этнос не приводят к результату. Однако герой повести изображен как трагическая личность, как экзистенциальный человек, познавший необратимую силу потока жизни и бессилие как культуры, так и ее «носителя».

Подпараграф 2.2.3 **«Возвращение как открытие энтропийности бытия в повести «Утрата» (история сорокалетнего)»**. Невозвращение Пекалова (в первой сюжетной истории) и отсутствие фабульного возвращения в истории лирического героя (хотя очевидно, что после ментально повторяющейся ситуации спасения он вернётся в реальное пространство больницы, не излечивающее от отчаяния) потребовали акцент на ситуации возвращения, поэтому завершается повесть историей «сорокалетнего». Сюжетно в истории сорокалетнего повествуется о возвращении в родное пространство (сюжет «блудного сына»). Возвращение в заброшенное место, которое было местом жизни целого рода, открывает герою знание конечности цикла. Движение жизни обнаруживает *утрату* феноменов как онтологический закон, бытие не исчезает, потому что одна форма жизни сменяет

другую (зарастает кладбище, поглощается природой деревня, оставленная людьми). В истории сорокалетнего Маканин использует приём «зеркального повторения», обратного поворота ситуации: сорокалетний вновь покидает «своё» пространство и возвращается в город, подчиняясь привычному ритму жизни. Социальная детерминированность усилена онтологической, что нивелирует экзистенциальное открытие персонажа.

Параграф 2.3 «**Мотив болезни в сюжетах повестей В. Маканина**» обращён к онтологической и антропологической проблеме. Разные аспекты болезни обнаруживаются в сюжетах Маканина: телесные и психические болезни; страдание и их последствия для больного; болезнь как испытание «здоровых». Реакция на болезнь не просто вариативна, но и итеративна, повторяются антонимические ситуации и их последовательность: потрясение сознания больного / подчинение мифам об исцелении / принятие исхода болезни как неизбежности. Антропологическое побеждает этическое, и бессилие перед природным законом или аномалией проявляется в забвении и в принятии человеком своей малости. Мотив болезни встречается во многих рассказах и повестях Маканина (рассказы: «Пойте им тихо» (1974); «Река с быстрым течением» (1979); повести: «Голоса» (1977); «Предтеча» (1982); «Утрата» (1987); «Долог наш путь» (1991)), в романах «Андеграунд, или Герой нашего времени» и «Испуг» ситуация болезни – одна их центральных сюжетных коллизий.

Подпараграф 2.3.1 «**Болезнь как закон материи в рассказе «Река с быстрым течением» и в повести «Голоса»**». Болезнь в рассказе «Река с быстрым течением» – мутация материи, ошибка в развитии телесной жизни, которая не исправима ни знаниями (врачей), ни иллюзиями (больных). Поддавшись иллюзиям, больная женщина временно повторяет сюжет победы духа над телом, но смерть неизбежна, поскольку «изживание» ресурсов тела стремительно. В поведении окружающих иной вариант отношения к болезни: муж не может облегчить страдание больной и смиряется; помощь подруги превращается в процесс замещения умирающей. Все социальные этические принципы дают обоснование антропологической детерминированности.

В повести «Голоса» ситуация болезни основная как в фабуле жизни и смерти мальчика (Кольки Мистера), так и в истории написания повести о нём лирическим героем-повествователем. Болезнь отделила ребенка не только от сверстников, но и от родных, поскольку она стала «помехой» в личном саморазвитии отца, матери, сестры. Только старая бабушка Кольки понимает его крик как невыносимость боли, как выражение отчаяния, помогает принять смерть как природный и социальный закон.

Подпараграф 2.3.2 «**Мотив болезни и мотив исцеления в сюжете повести «Предтеча»**». В повести болезнь рассматривается персонажами в контексте экологических и социально-нравственных эпистем как следствие социального и духовного неблагополучия. Маканин противопоставляет этой социокультурной мифологии рационалистический взгляд (врачей) на болезнь как на проявление

отклонений в законах природы, как выражение хаоса в биологическом мире. В повести показаны внутренние изменения в человеке, столкнувшегося с болезнью, его готовность поверить в мифы о преодолении власти тела, в силу целителя и его «духа». Но ни победы над смертью, ни духовного преображения автор в сюжетах персонажей не изображает. В фокусе повествования – больной шизофренией целитель. Болезнь главного героя профанирует этическую значимость его идеи исцелить тело в процессе исцеления духа. Целитель многократно пытается лечить и тела, и души больных, но умирает отвергнутый, поскольку чуда победы над болезнями не происходит. Житийный сюжет демифологизируется, однако память жанра оставляет возможность амбивалентно оценить учителя и целителя. Отвергая утопический миф о победе человеческого духа над законами природы, Маканин заботой целителя об окружающих, интенцией к поиску законов жизни («корня жизни») и миссией человека в бытии даёт основание интерпретировать героя как предтечу экзистенциальной личности, отличной от «серединного» человека, подверженного потоку жизни.

В третьей главе **«Нарративные повторы как варианты понимания реальности в прозе В. Маканина»** выявляется значение нарративных повторов в изображении одинаковых ситуаций реальности. Обосновывается нарративная повторяемость как герменевтический принцип писателя. Варианты версии ситуаций реальности свидетельствуют не только о невозможности завершённого понимания жизни, но и о потребности человека искать объяснение своей и окружающей жизни. В третьей главе доказывается, что нарративные повторы связаны не с многоголосием нарраторов, хотя вводятся разные субъекты повествования и разные субъекты видения. В центре прозы Маканина, как правило, нарратор, приближенный к автору не столько биографически, сколько положением писателя, творца «сюжетов», с помощью которых он пытается приблизиться к пониманию бытия.

Выбор повестей для анализа: «Голубое и красное» (1982), «Предтеча» (1982), «Утрата» (1987), «Отставший» (1987), «Долог наш путь» (1991), «Кавказский пленный» (1995) «Буква “А”» (2000) – обусловлен общностью композиции (зеркальная композиция сюжетов, персонажей), метатекстовой структурой (не только введение сюжета о написании текста, но и его анализ), аллюзивным повторением и деконструкцией литературных и культурных сюжетов.

В параграфе 3.1 **«Повторы как элементы метатекста»** анализируются функции повторяющегося выхода нарратора из изображаемых ситуаций реальности в творческую и ментальную ситуацию сознания персонажа-нарратора. В ней происходит, во-первых, рефлексия собственной жизни нарратора не в логике воспоминаний, а в потребности выразить новое понимание прошедших событий; во-вторых, пересказ известных нарратору сюжетов (преданий, легенд, исповедей других персонажей и пр.); в-третьих, изложение собственных придуманных «сюжетов». На примере анализа повестей «Голоса», «Отставший» показано, как нарративная повторяемость проявляется в вариантах понимания одного и того же события.

Сюжеты о написании текстов у Маканина не проектируют реальность, не способствуют выходу нарратора к новому образу жизни, напротив, они доказывают необратимость жизни и зависимость человека от течения времени. У Маканина, в отличие от писателей-постмодернистов, версии реальности не становятся игрой, иллюстрирующей релятивность истин, или бегством в вымышленную реальность (как у писателей модернистов).

В подпараграфе 3.1.1 **«Сюжет рефлексии о тексте в повести «Голоса»** анализируются главы-фрагменты, в которых ставятся проблемы творчества, создания и переписывания текста. Потребность писательства связывается с необходимостью фиксации «голосов» – исчезающих феноменов жизни. Лирический герой-нарратор обнаруживает в себе индивидуальный «голос», феномен творческого акта (по М. М. Бахтину, «внезаходимость»), способность запечатлеть реальность в сюжетах и текстах. Писательство у Маканина не особое состояние, а момент понимания жизни, герменевтический акт. Повторение реальности в сознании и тексте как познанной невозможно, поскольку творчество даёт лишь часть истины (такова, например, легенда о назначении барабанного боя при казни: скрыть крик ужаса, показать стремление человека достойно принять смерть). Для Маканина текст – субъективная модель ситуации жизни, а сопоставление разных версий приближает к целостности.

В подпараграфе 3.1.2 **«Сюжет интерпретации своего и чужого текстов в повести «Отставший»** сопоставляется история центрального персонажа-нарратора (утрата первой любви), история его отца (страх старости и утрата связи с жизнью) и легенда об искателе золота, в котором дар «чуять золото» открывается в моменты одиночества, потери связи с людьми. Метатекстовый сюжет – интерпретация нарратором вариантов уральской легенды о Лёше Маленьком, дар которого безжалостно используется артельщиками-золотоискателями. Интерпретация чужого текста толкает нарратора-персонажа к разгадыванию событий жизни своего отца. Нарратор воспроизводит встречи с отцом, беседы, его телефонные звонки, сны, психическая основа которых до конца не может быть понятой и зафиксированной ни в одном законченном тексте. Собственная история юношеской любви нарратора связана с историей ненапечатанного текста первого рассказа. Ненапечатанный рассказ – метафора недоверия тексту: то, что было запечатлено в тексте, понимается иначе спустя время, поэтому необходимо «складывание» нового сюжета.

В параграфе 3.2 **«Композиционный повтор как открытие повторяемости экзистенциальных ситуаций в социальной действительности»** проанализированы повести «Утрата» и «Долог наш путь» в аспекте композиционного со/противопоставления автономных сюжетных линий с разными фокусированными персонажами. Композиционный повтор Маканин использует для выявления итеративности как общей логики социальных, межличностных и экзистенциальных коллизий. Зеркальность, антиномичность у Маканина обнаруживают скрытую взаимозависимость (принцип «сообщающихся сосудов»).

В подпараграфе 3.2.1 **«Скрытая повторяемость в трёхчастной композиции»**

повести «Утрата» выявляется содержательность композиции трех историй в повести и их метатекстовая, нарративная взаимосвязь. Обнаруживается не причинно-следственная связь историй копателя Пекалова, лирического героя-нарратора и «сорокалетнего», а контрапунктное соединение мотивов, тем, образов (слепоты, возвращении, копания, воды и т.д.). Метатекстовый сюжет показывает переход от интерпретации чужих текстов (легенды), личного духовного состояния (галлюцинаций травмированного) к созданию своего сюжета о попытке возвращения к прошлому, о понимании необратимости времени.

В подпараграфе 3.2.2 **«Антиномичные сюжеты в повести «Долог наш путь»** рассматривается роль со/противопоставления истории возможного будущего (фантазийный сюжет командированного) и «миметической» истории «реальности» (жизнь современного горожанина Ильи Ивановича). Нарратор в этой повести не имеет собственной истории и проявляется в коллизии разгадывания жизни другого частного человека. Сочинение своего сюжета позволяет повествователю обнаружить неразделённость антиномий добра и зла, природной основы человека и его духовной сущности, потому что амбивалентны жизнь и смерть, развитие и разрушение. В повести продолжается размышление Маканина о сущности искусства: оно является и способом создания мифов, иллюзий, версий субъективных идеалов людей; становится возможностью познания законов бытия, которые неподвластны человеку.

В параграфе 3.3 **«Зеркальность сюжетных ситуаций в прозе В. Маканина»** анализируются композиционные приемы удвоения, переворачивания ситуаций в рассказах «Антилидер» (1983), «Человек свиты» (1982), в повестях «Один и одна» (1987), «Голубое и красное» (1982), «Буква “А”» (2000).

В подпараграфе 3.3.1 **«Закон связи в историях персонажей»** интерпретируется идея взаимозависимости явлений (и судеб людей), даже если они не связаны одним сюжетом: согласно «закону сообщающихся сосудов», счастье / успех одного человека зависит от несчастья другого. Этот закон воспринимается как основа этики справедливости и равенства в сознании персонажей Маканина, этим они объясняют свою «усредненность», а повторяемость рассматривается как природный закон. С другой стороны, в этом проявляется этическая сущность человека, расходящаяся с его антропологической основой, с его телесно-природными потребностями. В рассказе «Антилидер» успех, лидерство другого вызывает в центральном персонаже желание подавить, усреднить выделившегося. Серия повторяющихся драк, борьбы за равенство в границах своего круга, заканчивается поражением (смертью). Принцип уравнивания создаёт новый, близкий классическому подпольному человеку, тип борца, отстаивающего право на безындивидуальность, повторяемость людей.

В рассказе «Человек свиты» обратная коллизия: центральный персонаж теряет выделяющее его положение «человека свиты», приближенности к начальству. Свита – метафора социальной зависимости человека, освобождение от которой дезориентирует, создаёт экзистенциальный кризис. Повторение ситуации в историях

других персонажей раскрывает повторяемость как принцип социального тиражирования образа жизни и ценностей людей.

В романе «Один и одна» два параллельных сюжета вскрывают типичность положения одиночества, социальную маргинальность современных интеллигентов. В повести используется принцип зеркального повторения смежных явлений. Маканин показывает процесс не только подавление единичности стандартностью социальной жизни, но и редукцию воли к самореализации, конформизм, объясняемый и оправдываемый онтологическим законом.

В подпараграфе 3.3.2 **«Вариативность истории в повести «Голубое и красное»** анализируются как сюжетное сведение в одной ситуации двух персонажей (двух бабушек героя), так и сопоставление их судеб. В одной социально-исторической ситуации со/противопоставляются истории двух бабушек, которые противопоставлены друг другу социально: одна происходит из дворянского сословия, а другая – из крестьянского. В основе сюжета коллизия борьбы персонажей за любовь внука. Противопоставление, повторение ситуаций (дарения, кормления, лечения ребенка) выявляют общность в стремлении «запомниться» внуку. Память интерпретируется как продолжение жизни, как возможность воскрешения прошедшего.

В подпараграфе 3.3.3 **«Переворачивание сюжетной ситуации в повести «Буква “А”»** рассматривается изменение социальных условий, которые не приводят к исчезновению социальной структуры, люди только меняются местами, возобновляя принцип насилия, социальной энтропии. Маканин опровергает утверждение высшей идеи в социальных изменениях: в условиях подавления свободы сможет появиться некая версия иного социального устройства (слово), но в сюжете повести показано, как обстоятельства редуцируют идеи. Сюжетостроение повести доказывает анонимность и итеративность социального процесса.

В параграфе 3.4 **«Аллюзии на классические сюжеты в прозе В. Маканина»** диалог Маканина с классическими произведениями рассматривается как деконструкция, усложнение, трансформация, актуализация известных сюжетов. Материалом для анализа выделены повесть «Предтеча» (1982) и рассказ «Кавказский пленный» (1995).

В подпараграфе 3.4.1 **«Агиографические аллюзии как варианты интерпретации повести «Предтеча»** рассматривается деконструкция сюжета Иоанна Предтечи в истории центрального персонажа: не язычники-властители, а больные духом люди отказываются от бывшего учителя, не обнаружив в нём спасителя извне. Жизнеописание героя повести, прозревшего после травмы головы, имеет не разоблачительную, а ироническую модальность.

В подпараграфе 3.4.2 **«Трансформация классического сюжета в рассказе «Кавказский пленный»** анализируется изменение Маканиным сюжета «кавказского пленника» (романтической и реалистической версий). Переворачивание сюжета удвоено: фабульно чеченский юноша пленён и убит русским солдатом, сюжетно

русский человек в противовес законам войны и национальной вражде если не пленён, то без антагонизма воспринимает чужой мир, красоту его непохожести. Маканин акцентирует непредсказуемость сознания и коррекцию стереотипов в человеке, оказавшемся в экстремальных условиях и в относительной свободе от предписанных норм. В сюжете повести антропологическая природа человека даёт возможность связи людей как представителей человеческого рода, однако правила неразумно устроенного социума (субординация, вражда своих и чужих) торжествуют в сознании человека и не корректируется культурой. Сюжеты русской литературы не присутствуют в сознании массового человека.

Четвертая глава **«Кризис феноменальности в романе «Андеграунд, или Герой нашего времени»: сюжеты жизни и сюжеты литературы»** направлена на выявление повторяющихся ситуаций, обусловленных как потоком жизни, так и следованием литературным сюжетам. Роман отражает смену социально-исторических ситуаций, но кардинального изменения положения в личной, социальной и творческой жизни центрального персонажа и большинства его «двойников» из художественного андеграунда не происходит: положение главного героя остаётся прежним – маргинальным. Временное «бегство» из общаги (омассовлённого существования) завершается возвращением к прежнему образу жизни. В фабуле романа трансформирован мотив болезни: нет иллюзий исцеления, есть борьба с лечением, направленным на разрушение своего «Я». Более значимым в романе становится антропологический акцент, он важен в сюжете спасения от лечения. В романе появляется редуцированный в малой прозе мотив поиска женщины, в котором физиологическая обусловленность соединена с этической (с мотивом спасения). Как и в малой прозе в романе важен метатекстовый сюжет: мотивы рефлексии литературных сюжетов и проблема писания текстов (выбор главного героя отказаться от писательства).

Более развёрнуты в романе аллюзивные ситуации-параллели сюжетов реальности и литературы. Такие параллели создают ситуации повторения текстов в коллизиях романа. Классические сюжеты используются автором для намеренного «переворачивания», опровержения (принцип «зеркального повторения»). В романе обнаруживается имитационность поступков и суждений персонажей, обусловленные не только социальными эпистемами, но и культурными (литературными) образцами.

Поскольку в романе в разной степени обнаруживаются почти все мотивы прозы Маканина, анализу романа в диссертации выделена отдельная глава. Однако в ней внимание сосредоточено на тех сюжетных ситуациях, которые играют в сюжете более значительную роль.

Параграф 4.1 **«Итерация в истории центрального персонажа романа: сюжет бегства и возвращения»** представляет собой анализ ситуаций в истории главного героя, изменяющих его положение в реальности: ситуации поиска женщины, лечения, говорения, бегства, возвращения.

Подпараграф 4.1.1 **«Мотив поиска женщины»** рассматривается редукция

духовной основы любви, которая проявляется в смене женщин, в сведении эротического к телесному и инстинктивному. Однако мотив поиска женщины восполняет антропологическое объяснение телесных связей и вводит экзистенциальную трактовку: блуждание в поисках другого (готовность к любви-состраданию) и потребность быть услышанным (потребность в понимании) необходимы центральному персонажу для оправдания собственного существования. Повтор «любовных историй» – композиционная стратегия автора (зеркальность, антиномичность и общая схема отношений с поэтессой Вероничкой, флейтисткой Натой, советской активистской Лесей Дмитриевной, медсестрой Марусей, общажными женщинами – Зинаидой, Татьяной Савельевной). Смена историй поиска женщины обнаруживает в линейном сюжете необратимость движения жизни, неизбежность утрат, не восполняемых при повторении.

В подпараграфе 4.1.2 **«Ситуации убийства в сюжете романа»** повторяющиеся ситуации убийства в романе рассматриваются не как социальный, экзистенциальный бунт, а как тайный способ отстаивания своего «Я» главным героем. Повторение героем литературных сюжетов показывает утрату абсолютов в сознании человека XX века, превращает их в «сюжеты». Освобождение от внешнего императива (социального, божественного, литературного) объясняет повтор тайных убийств, опыт одного преступления не останавливает героя Маканина от защиты своего «я» «ударом», подпольным, ненаказуемым убийством. В повторении ситуации убийства важна нисходящая градация. Первое убийство спровоцировано самозащитой, но мотивировано этикой спасения другого и защитой принципа уважительного отношения к человеку. Второе убийство основано на сохранении не только собственной репутации («агешника»), но и репутации андеграунда (критика андеграунда может быть воспринята как «стукачество», и Петрович убивает не стукача, а того, кто не согласен с мифом, возвышающим андеграунд).

Подпараграф 4.1.3 **«Ситуации сопротивления лечению как сопротивление покаянию»**. В романе ситуация болезни дана в иных аспектах по сравнению с повестями. На первый план выходит не онтологический, а социальный аспект: не болезнь, а лечение как устранение аномалии или приведение её к норме становится инструментом социализации, усреднения (важная в прозе Маканина проблема). Поэтому в романе болезнь предстаёт как психическое отклонение, как несогласие с принятыми в социуме ценностями (диссидентство не как идеологическое течение 1960-х–1980-х годов, а как личное инакомыслие). Близко к идеям М. Фуко Маканин показывает в истории брата главного героя романа последствия карательной советской психиатрии, подавляющей самосознание личности. Поэтому сопротивление героя романа лечению имеет позитивную семантику – это гиперболизированная форма самосохранения индивида, защиты своего «Я». Логика сюжетостроения позволяет проверить абсолютность права на противостояние индивида социуму. Во-первых, соединяются два повода наказания социумом: и за инакомыслие, и за преступление. Во-вторых, защита самосознания связывается с

погружением в антропологическую сущность, в сохранение телесной формы жизни. В-третьих, сопротивление лечению (исправлению) связывается с редукцией этических норм, с самооправданием героя. Отказ от публичного признания вины обосновывается правом на самозащиту и сюжетами классической русской литературы «дуэльного» периода (первой половины XIX века).

Повторение ситуаций отказа от лечения раскрывает этическую коллизию в герое романа. Антропология Макарина связана с экзистенциалистской концепцией человека: в личном сознании есть интенция к абсолютам, а сохранение «я» связано не с сохранением своей жизни. Однако финал романа расходится с этической логикой классического романа второй половины XIX века, который, в рефлексии героя, отвергал право на убийство даже при его идейном обосновании. В финале обнаруживается неабсолютность позиции подполья, отказ от социальной этики позволяет совершать тайные преступления и тайные покаяния, но не изменяет образ жизни. Петрович повторяет прежний способ существования и в новом социуме, оставаясь в своём «подполье», в общажной среде. Аллюзивный диалог с сюжетом повести А. П. Чехова «Палата № 6» ставит проблему редукции экзистенциальной вины в современной личности после утраты социальных иллюзий.

Подпараграф 4.1.4 **«Ситуации говорения: бытовая, исповедальная, диалогическая семантика»**. Говорение в романе предстаёт не только как форма взаимодействия человека с Другим, но и как вопрошание к бытию, экзистенциальный акт самоопределения. Центральный персонаж романа, устранившись от социума, отказывается от писательства и от говорения с другими и бытием; он сводит говорение к бытовому общению, скрывая в речи внутренние смыслы (по сути, принимает позицию молчания и слушания других). Повторяющиеся ситуации говорения других персонажей (исповеди, бытовые диалоги, просьбы и пр.) выделяют молчание главного героя, подчеркивая его позицию отказа от слова. Говорение заменяется внутренней речью (она определяет словесную позицию в наррации всего романа), которая фрагментарна, ситуативна, равнозначна «подполью». Тем не менее, ситуации небытового говорения свидетельствуют о сохранении ценности Слова для героя романа (и для человека как такового). Рефлексия литературных сюжетов и судеб русских писателей составляет метатекстовый сюжет романа. Потребность в произнесённом слове доказывается ситуациями периодических монологов, обращённых к тем, кто мог бы понять (брату, Вероничке, Нате), но всегда обнаруживается невозможность понимания, поэтому Петрович иронически оценивает свои попытки диалога с людьми. Эпизоды исповедального говорения редки, но важны в сюжете романа (истерический монолог в бомжатнике, лаконичное признание убийце).

Параграф 4.2 **«Двойничество в системе персонажей. Зеркальные повторы сюжетов»** вводит историю главного героя в контекст системы сюжетных линий других персонажей. В романе используется как принцип парности персонажей и зеркальности сюжетных коллизий (принцип «сообщающихся сосудов» в историях

Петровича и его брата), так и вариативность в похожих историях второстепенных персонажей.

Двойничество в историях братьев свидетельствует не о тождественности, а об антиномичности и взаимодополняемости. Повторяются ситуации отказа от семьи, лечение, сохранение себя в телесной чувственности (в отношениях с женщинами), интенция к творчеству (Венедикт имеет дар художника, Петрович – потребность в Слове). Маканин корректирует близничный миф и миф о двойнике-тени семантикой смежности, асинхронных повторений, показывая в сюжетной итерации общий закон вытеснения личности из социума и вынужденное принятие обстоятельств, редукцию активности. Теория «удара», бунта испытывается Петровичем, но сводится к преступлению собственных абсолютов, к тайному бунту и к отказу от заявления своего «Я» в Слове, в творчестве. «Кивающий», согласный со всем Венедикт – гиперболизированный образ поражения человека.

Московская андеграундная среда художников и писателей советского и постсоветского времени показывает типичность модели жизни главного героя романа. Двойниками-вариантами Петровича предстают писатели Зыков, Смоликов, Вик Викыч, Михаил. Разность их судеб не разрушает общей логики: как отказ от своего слова при компромиссе с новыми обстоятельствами, так и бегство от новых стереотипов культуры и литературы. Повтор выявляет зависимость творческого человека от исторического процесса, от потребностей адресата в новой социальной ситуации. Кризис андеграундной культуры связан с эстетическим равноправием, формой усреднения ценностей. Андеграундные связи тоже условны, релятивны. Демифологизируя советский андеграунд, Маканин в сюжете поражения центрального персонажа показывает неотменимость индивидуального познания бытия и самого себя как экзистенциальную основу человека при значимости его антропологической, природно-телесной сущности.

В заключении подводятся итоги исследования, намечаются перспективы, связанные с изучением поэтики повторения за пределами сюжетостроения и наррации.

Работы, опубликованные по теме диссертации

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Малькова А. В.** Ситуация говорения в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» / А. В. Малькова // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 3. – С. 104–116. – DOI: 10.17223/18137083/60/9. – 0,75 а.л.

Web of Science: Malkova A. V. Situations of speaking in the novel of V. Makanin «The Underground, or a Hero of Our Time» / A. V. Malkova // Sibirskii filologicheskii zhurnal. – 2017. – № 3. – P. 104–116.

2. **Малькова А. В.** Повторение ситуации убийства в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» / А. В. Малькова // Филологический класс. – 2017. – № 1 (47). – С. 74–83. – DOI: 10.26710/fk17-01-13. – 0,56 а.л.

Web of Science: Malkova A. V. The situation of murder in V. Makanin's novel «The Underground, or a Hero of Our Time» / A. V. Malkova // Philological Class. – 2017. – № 1 (47). – P. 74–83.

3. **Малькова А. В.** Почему не использована форма дневника в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени»? / А. В. Малькова // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 447. – С. 63–72. – DOI: 10.17223/15617793/447/8. – 0,56 а.л.

Web of Science: Malkova A. V. Why Did V. Makanin Not Use the Diary Form in His Underground, or The Hero of Our Time? / A. V. Malkova // Tomsk state university journal. – 2019. – № 477. – P. 63–72.

4. **Малькова А. В.** История публикации романа В. Маканина «Испуг» / «Обстрел»: Рождение и трансформация текста / А. В. Малькова, Т. Л. Рыбальченко // Филологический класс. – 2018. – № 1. – С. 115–120. – DOI: 10.26710/fk18-01-18. – 0,31 / 0,16 а.л.

Web of Science: Malkova A. V. The publishing history of novel «Fear» / «Fire» by V. Makanin: The birth and transformation of the text / A. V. Malkova, T. L. Rybalchenko // Philological Class. – 2018. – Vol. 1. – P. 115–120.

5. **Малькова А. В.** Поэтика повторов в повести В. Маканина «Отставший» / А. В. Малькова // Филология и Культура. Philology and Culture. – 2018. – № 1 (51). – С. 192–199. – 0,44 а.л.

6. **Малькова А. В.** Мотив поиска женщины в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» / А. В. Малькова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. – Т. 10, вып. 2. – С. 92–101. – DOI: 10.17072/2037-6681-2018-2-92-101. – 0,56 а.л.

Монография:

7. Суханов В. А. Манипуляция в зеркале и практике художественной словесности / В. А. Суханов, И. В. Ащеулова, А. Н. Губайдуллина, О. А. Дашевская, **А. В. Малькова** [и др.]. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. – 166 с. – 10,4 / 1,1 а.л.

Статьи в прочих научных изданиях:

8. **Малькова А. В.** Композиция текста повести В. С. Маканина «Утрата» / А. В. Малькова // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : сборник материалов I (XV) Международной конференции молодых ученых. Томск, 03–05 апреля 2014 г. – Томск, 2014. – Вып. 15, т. 2 : Литературоведение. – С. 162–165. – 0,19 а.л.

9. **Малькова А. В.** Параболичность как конструктивный принцип повести В. Маканина «Буква “А”» // *Educatio*. – 2014. – № 6. – С. 112–114. – 0,19 а.л.

10. **Малькова А. В.** Мотив блуждания в сюжете повести В. Маканина «Лаз» (1991) / А. В. Малькова // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : сборник материалов I (XVI) Международной конференции молодых ученых. Томск, 09–11 апреля 2015 г. – Томск, 2015. – Вып. 16. – С. 287–289. – 0,19 а.л.

11. **Малькова А. В.** Вариативность истории центрального персонажа повести В. Маканина «Предтеча» / А. В. Малькова // Русская литература в современном культурном пространстве : сборник статей по материалам VII Всероссийской научной конференции. Томск, 30–31 октября 2015 г. – Томск, 2015–2016. – С. 135–143. – 0,5 а.л.

12. **Малькова А. В.** Сюжет двойничества в истории двух братьев в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» / А. В. Малькова // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : сборник материалов III (XVII) Международной конференции молодых ученых. Томск, 18–23 апреля 2016 г. – Томск, 2016. – Вып. 17. – С. 488–492. – 0,25 а.л.

13. **Малькова А. В.** Варианты судеб писателей и художников андеграунда в русской культуре второй половины XX в. (роман В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени») / А. В. Малькова // Дергачевские чтения – 2016. Русская словесность: диалог культурно-национальных традиций : материалы XII Всероссийской научной конференции к 70-летию Объединенного музея писателей Урала. Екатеринбург, 13–14 октября 2016 г. – Екатеринбург, 2017. – С. 165–169. – 0,25 а.л.

14. **Малькова А. В.** Миф о сатирах и нимфах как сюжетный код романа В. Маканина «Испуг» / А. В. Малькова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов IV (XVIII) Международной конференции молодых ученых. Томск, 20–22 апреля 2017 г. – Томск, 2017. – Вып. 18, т. 2: Литературоведение. – С. 80–84. – 0,25 а.л.

15. **Малькова А. В.** Мотив копания в повестях В. Маканина / А. В. Малькова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов V (XIX) Международной конференции молодых ученых. Томск, 19–21 апреля 2018 г. – Томск, 2018. – Вып. 19. – С. 299–301. – 0,13 а.л.

16. **Малькова А. В.** Мотив возвращения в повести В. Маканина «Где сходилось небо с холмами» / А. В. Малькова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов VI (XX) Международной конференции молодых ученых. Томск, 18–19 апреля 2019 г. – Томск, 2020. – Вып. 20. – С. 258–260. – 0,13 а.л.

Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано на участке цифровой печати
Издательского Дома Томского государственного университета
Заказ № 7205 от «03» ноября 2020 г. Тираж 100 экз.
г. Томск Московский тр.8, тел. 53-15-28